

Владивосток

Поехали туда, где нас никто не ждет,
Пространства разбрелись меж Альфой и Омегой, —
Простимся с государственным вождем —
За окнами стоит крестьянская телега.

Давай, по колеям проселочных дорог
Махнем на край земли дела свои поправить,
Где нянчит корабли Владивосток,
И океан всю ночь с поморками картавит.

Он все на «эр», на «эр», — соленым языком
Он икры женских ног, как изваятель, точит.
Я с Тихим океаном запросто знаком:
Меня всю жизнь мою с ним связывает почта.

И не сюда ли с пол-России привезли
Наследников убийц и жителей бараков!
Наверно, потому Владивосток дождлив,
Что, видно, есть кому о Родине поплакать.

А там — вожди, вожди — что некогда вздохнуть,
А там — цари, цари и трупы подчиненных;
И кандидаты исторических наук
Отыскивают кандидатов на корону.

И почему как раз на этом берегу
Вдруг чувственные рты до жесткости черствеют,
Когда со всех сторон идет по морю гул
И заставляет нас во что-нибудь поверить.

Космос

Шли через город крытые машины,
и в ополченье шли интеллигенты;
и все прощали женщины мужчинам
и проникались важностью момента.
А мой отец еще женатым не был
и бытовые не решал вопросы —
он изучал космическое небо,
заглавной буквой обозначив Космос.
Пахали землю крупповские траки,
и армии сходились в рукопашной;
а у отца исписаны тетради,
Как лирикой, и спрятаны в заглашник.
Весной Рейхстаг разрисовали матом
пропахшие войной интеллигенты,
и все прощали женщины солдатам
и проникались важностью момента.
И в город жизнь неслышно возвращалась.
Роддом стоял, как говорится, насмерть.
Всех поголовно унижала жалость,
всем поголовно выдавали паспорт.
Отец в тот год стал совершеннолетним,
и мать его зарыли на погосте;
из всех романтиков остался он последним,
увеличилкой проверявшим Космос.
Он там видал большие разрушенья
и сочинял о Космосе трактаты.
Но и романтиков, увы, когда-то женят,
а жены сразу требуют зарплату.
И сразу мир космический разложен
на содержанье газов и молекул:
он женщиной случайно уничтожен,
как связь пространств меж Альфой и Омегой.
А женщины с мужчинами встречались
и проникались важностью момента;
когда миры на части разрывались,
их шли спасать
интеллигенты.

Север

Я так глядел, что чуть тебя не сглазил;
на Север пролегал наш новый курс...
А в море Баренцевом жили водолазы,
наверное, искали лодку «Курск».
Твои глаза вели меня на полюс, —
такие компасы влюбленному не врут.

А в Карском море лодка «Комсомолец»
как рыба зарывалась в донный грунт.

Куда ни глянь — Норвегия сплошная —
и Ледовитый, черт возьми, бассейн.
Здесь каждый столб теперь напоминает,
куда позвал нас Руаль Амундсен.
Ему бы среднерусские ландшафты
с отрядом пионеров изучать.
Пожалуйста, косыночку поправьте,
а то случайно можно развязать.

Там холодно, там корабли, как дети —
«Титаника» потомки, может быть.
Четыре стороны на белом свете,
а нам с тобой ко льдам на Север плыть.
Ты думаешь, что это чайки плачут?
То о старпомах женщины грустят.
Сюда с трудом сигналы из Авачи*
до моряков доходят от девчат.
Высокие широты быстро старят.
Но где же помесь крови с молоком?
Вот перед нами карта полушарий,
А мы живем, наверно, не на том.

Урга

...И ты пойдешь опять босая
У диких орд искать приют,
Где в бубен бьют, где из кресала
Огонь шаманский достают.
Улус из полусотни юрт,
По всей степи кочуют ханы,
С почтеньем клонятся к бурханам
И на убой сгоняют гурт.
Скрипят товарные вагоны,
Везут в Даурию руно,
И вдоль бурливого Онона**
Таймени испарывают дно.
Пойдем гулять по диким далям,
Хвост жеребца возьмем, как знамя,
Пугать монгольскую орду.
У нас красавиц не крадут.
И узкоглазый соплеменник
С высоким пафосом: «Ага!»
Хвалу возносит пельменям
И брюхо потрошит врагам.

---

*Авачинская бухта на Камчатке.

** Онон — река в Монголии и в Забайкалье.

За степью — древняя Урга,
Непокоренная столица.
Когда бы не было границы —
К ней подошла бы Селенга...
Уже архи к питью готово,
В степи расстелены ковры;
Дарга*, весь в шелковых обновах,
Весь достопамятный старик,
Речь пред тумэном** произносит,
На солнце держит дастархан***.
Кумыс нагрет. Налипли осы.
С ног выпивох напитков сносит —
Всех, от дарги до пастуха.

В степи картины живописны:
На жердях сушится сукно,
Овчарни, кони и танкисты!..
И танки! Даже танкодром!
И русский мат, и звон гитары,
Кувалда выправляет трак.
Чифир с полынькой, кэп в угаре,
Вдали казарма, как барак.
Пусть в мире будет все спокойно,
Пусть пограничники молчат,
Но вдруг команда: «Арш! По коням!»,
И вправо дернулся рычаг.
Едва не выплеснул на берег
Онон стерляжьи косяки,
В расщелины забились звери,
С прицела сбились остяки.
Отсюда сутки до Пекина,
До Вашингтона полчаса...
На стратегических картинах
Легко войну живописать.
Монголию не взяли гунны,
Споткнулся император Хань****;
И где-то здесь в буддистских рунах
Себя увидел Чингисхан.

Здесь — пуп земли, и степь наполнил
Мангыр***** и запах сараны.
Снял сапоги наш подполковник
И вдруг свою деревню вспомнил
И с ляжкой детские штаны.
Пошел гулять по диким далям,
В коробку отложив медали
За оборону и за штурм.

---

* Дарга — старший.

** Тумэн — род.

*** Дастархан — полотенце с кумысом.

**** Хань — династия китайских императоров.

***** Мангыр — дикий степной лук.

В Монголии не строят тюрем, —
Он тоже опьянен свободой —
Свобода! Вот она! Бери!
Не званием ценна порода,
Не списками победных сводок,
А содержанием Ари*...

Рождение

Да, в этот мир, готовый треснуть,
В проклятый, разоренный мир,
Вошел я с криком, словно с песней,
Под свист бомбежек и секир.
Пустая грудь моей мамыши,
Глаза печальных земляков,
И трудодней крестьянских чаша,
И похороны стариков —
Все отразилось в детском крике,
Как на войне: «Вперед, за мной!»
Сыграть бы нам в мужские игры
Со всей измученной страной!
Да, с той, которой я не нужен,
Да и она мне не нужна.
Мы — шагом. Строевым! По лужам! —
Чтоб страху на нее нагнать.
Я мать глушил шикарным басом
За весь ее советский быт.
И было много лет до часа,
Как был под Прагой** я убит.

Аэлита

Нынче звезды, возможно, не так
Расположены,
Чтобы сразу влюбляться и вечно любить;
Я тебя угощаю московским мороженым,
Запечатанным пачками, как динамит.
Что-то девушки нынче неважно
Накрашены —
Женихи, что ли, скопом ушли за кордон?
Видно, Змей первобытный за Евой
Ухаживал,
Приглашая ее на стаканчик со льдом.
Я увидел — помада твоя отпечатана,
Словно спелая вишня в бумажном кульке.

---

* Ари — мудрость (монг.).

** Боевые действия в Праге в 1968 г.

Ты, по сути, еще неделима на атомы,
Но я знаю, в какой у меня ты руке.
Но открою ладонь,
Где тебя закодировал —
То ли Бог, то ли Черт — и разрушится
Связь,
Словно свечи погаснут в театре Таирова,
И уйдет Аэлита, не кончив
Рассказ.
Может, скрытым финалом мы так
Растревожены,
Может, звезды не в тех зодиаках
Сошлись...
Я тебя угощаю московским
Мороженым
Без успеха наладить совместную
Жизнь.
Ты — моя Аэлита, красавица звездная,
Незаметный штришок на ладони моей;
Долечу или нет, как объект неопознанный, —
Доползу или нет, прирученный, как змей.

Элегия

Л. Барановской

Хорошая, пойдем за поздней ягодой,
Прикинемся, что мы друг другу дороги,
Заблудимся среди кустов смородины
И вынырнем, как водолаз из проруби.
Паук в лесу сверкает на трапедии
И как циркач достоин высшей почести.
Давай с тобой проснемся в Древней Греции,
Перекрестимся в именах и отчествах.
У них мужчины с конскими загривками,
И кипарисы клонятся над реками,
И не смородиной, а спелыми оливками
Питаются в лесу гречанки с греками.
Другое дело — наши, деревенские!
Им в Греции не выжить из-за скромности,
Как героиням оперы Аренского*
Во всех психологических подробностях.
У нас леса — развесистые пагоды, —
Где эхо называет имя женское.
Хорошая, пойдем за поздней ягодой,
Судьбу наполним сутью деревенской!

---

* Аренский А. С. — русский композитор.

Я в центре города живу,
И нет у города окраин.
На том конце я слышу звук,
Наверно, патефон играет.
И где-то там моя сестра,
И ей по молодости грустно,
Что и сегодня, как вчера,
Поет Кобзон, а в сердце пусто.
Поет «Девчонка есть одна»,
И вдрызг заезжена пластинка.
Соседней улицы шпана
Бренчит подковами ботинок.
Клеш-полусолнце у девчат —
Такие хрупкие статуйки!
По ним бы можно изучать
Соотношение в рисунке.
В почете «Красная Москва»,
На волосах и ситце пчелы.
И я имею все права
Быть вдохновенным и веселым.
Что стоит на забор залезть,
О гвозди ободрав колени;
И коль свобода все же есть,
То здесь она, во всей вселенной.

Лет двадцать замужем сестра,
Давно порушены заборы,
Соседи нашего двора
В гробах уехали за город.
Сменились образы невест,
И даже музыка не наша,
И коль свобода все же есть,
То в двух словах о ней не скажешь.

Лес

Куда уходит листопад?
В сентябрь. В октябрь. В гнилую осень.
И вновь ты должен невпопад
Стучать о ноготь папирсой.
И наглотаться табака,
Когда сверкнет своей улыбкой
Для записного дурака
Мадам в гиппоровой накидке.
Как баня, перепреет лес
И вдруг подарит гроздь брусники,
И непременно где-то здесь
Возникнут божеские лики.

Шагни в лесок на перекур —
Заговорят с тобою листья.
Как накрахмаленный гипюр,
Прозрачный тополь птицей свистнет.
И все напомним светлый храм,
Где слышу шепоты влюбленных,
Как из железного ведра,
Когда в него кричит ребенок.

Война

Война как детское понятие игры
Оставит на земле колготки и штиблеты;
Слюна — остаток пережеванной конфеты —
С усердием сплюнута в седалище клозета —
Вот впечатление о смерти детворы.

Война на окнах рвет таинственные шторы,
В которых прятался уснувший домовой.
Спи, мальчик, глазки намертво закрой:
Ты умер, как естественный герой,
Ты знаешь, чем воняет гарь и порох.

Сюда придут с баграми мужики
Растаскивать пожарище баграми.
Зачем? Когда весь дом сожрало пламя?
Зачем? Когда сгорела даже память?
Когда сгорели папины носки!

Война сгоняет с гнездований птиц,
И птицы вновь сюда уж не вернуться.
Малыш, твой аист воду пил из блюдца,
Когда он был птенцом,
Но не успел проснуться
На колесе, где не хватало спиц.

Природа снова требует поступков.
Ружье с плеча, из двух стволов салют!
Но никогда невинную голубку,
Наверно, просто так не подстрелю.
Не садану волчицу из засады,
Не расстреляю светлую звезду
И не махну по черепу прикладом,
И пьяный в дом чужой не забреду.

Пусть люди спят. Пусть добрый сон увидят
От самого рождения, от ноля.
И если я кого-нибудь обидел, —
Конечно, просто так, а не со зла.
Как будто зов Архангелов небесный
Меня по сердцу хором полоснул;
Я не боюсь остаться безызвестным
На всю мою известную страну.
А лишь хлебну рассола из кадушки
С похмелья, может, или просто так,
Но коль мне подвернется А. С. Пушкин,
Я с радостью отдам ему пятак.

Человек, стоящий у окна

Я человек, стоящий у окна,
Погрызший в равнодушном быте;
Отсюда перспектива мне видна
И площадь Человеческих событий.
Здесь постоянно раздается крик
Предсмертника, но он никем не слышен.
На кухне заново скандал возник, —
Я думаю, как бы чего не вышло.
Я слышу визг отточенных ножей —
Оттуда пахнет жареной селедкой;
На стенке — фотографии вождей,
И под селедку два стакана водки.
Со мною друг мой — Франсуа Вийон —
Мы вспоминаем и святых и грешных;
Он помнит грешников своих времен,
А мне на память просится Л. Брежнев.
У Франсуа весь список королей, —
Мне, к сожалению, похвастать больше нечем:
Помимо рожи генсекретарей
Ничем я больше не был обеспечен.
А у него — Столетняя война,
Железный рыцарь хвастает забралом, —
Едва сквозь дырки девушка видна
С осиной талией, с павлиньим опахалом.
Предмет мечтаний! Для которой быть
Не вредно на турнире гениальным.
Эпоха Возрождения! Звон копыт!
Неисчерпаемые времена преданий!
Щекой я на салатницу прилег,
И незаметно подкатила старость.
А собеседник спер мой кошелек,
Пошел в пивную с девками гусарить.
И за окошком выгорела степь —
Тоска о прошлом непреодолима...
Был полон стол селедочных костей,
И пел на кухне солидарный примус.

Пять чувств

Когда я вижу девушку из Омска,
Со мною борются все пять известных чувств:
Язык мой провоцирует знакомство,
Слух обостряется, но, как могу, лечусь.

Меня знобит вплоть до гусиной кожи,
И запах тоже вызывает дрожь;
Иду по следу двух точеных ножек,
Гляжу, как стрелочки на них рисует дождь.

Он весь — в изобразительном искусстве,
Как богомаз, он одухотворен, —
И просыпается шестое чувство,
И повышается тестостерон.

Совет

Ты ищешь вдохновения? Возьми метлу
Или осваивай лопату в кочегарке!
Среди интеллигентов ходит слух:
Таланта прибавляет джокер в карте.

И сразу пару строчек настрочи,
Срифмуй глагол с изысканным наречьем, —
Вдруг вспыхнет пламя в доменной печи,
Метла с восторгом зашагает в вечность.

Журнал поднимет собственный тираж;
Ты в ресторан войдешь почти героем;
И над стихом заплачет метранпаж;
И у коров поднимутся надои.

И в дворницкой, где ты проводишь ночь,
На цыпочках пойдут по норам мыши.
Тебе советами пытался я помочь —
Ты видишь сны и ничего не слышишь.

Но я хвалю лопату и метлу
За созидание томов литературы.
Твои соратники стоят в своем углу,
Сюжет придумывают и, как Горький, курят.

Лодка любви

Опять расцвела в нашем парке акация —
Все повторяется вновь — селяви...
Родная, поедем на лодке кататься,
Поедем кататься на лодке любви.

Над лодкой поднимем разбойничий парус,
Пусть ветер его заставляет звенеть;
Мне в море понятно, что я тебе нравлюсь, —
Что я тебе нравлюсь, ты нравишься мне.

Я твой капитан из ахейского эпоса —
Пущу по волнам быстроходный корабль, —
Сирены поют хриплым голосом Лепса,
И шторм поднимает людская мораль.

Морфлот снарядят за морскими скитальцами,
Не спит адмирал, с горя глушит вино.
Мы будем свистеть, как пираты, на пальцах,
Покуда морфлот не отправим на дно.

Пока моралисты в анналах копаются,
Для нас подходящую ищут статью,
Тебя я осыплю цветами акации,
Ограблю груженую нефтью ладью.

И я, как поборник высокой морали,
Беспечно отдамся дождю и весне;
Быть может, поэтому я тебе нравлюсь,
Быть может, за это ты нравишься мне.

Мост

Слыхали вы, теперь всего забавней
Облазить недоступные места?
Я изучаю трещины на камне
И позвоночник древнего моста.

Из прошлого навязчивые темы
Приходят над задумчивой рекой,
Что чернь своих избранников не ценит —
На шею камень. Плюх! И с глаз долой.

Немало их нырнуло с парапета,
И сразу нить истории рвалась;
И новый лик сияет на монетах,
И новый путь указывает власть.

Хребет моста дрожал от напряженья,
И вздрагивали камни от войны;
И на вершине головокруженья
Затеяли войнушку пацаны.

Они героям нашим подражают,
И вниз летит отколотый бетон
Оттуда, где зарезали кинжалом
Поющий о тачанке баритон.

Где шли с убогим скарбом погорельцы
Как население среднего звена;
Но, ходит слух, на этом месте Ельцин
Однажды прыгнул в выгребной канал.

И вновь история перевернулась.
Терпения хватило у моста.
А если честно, нас опять обули:
Как черт на спице, вертится Бурбулис,
«герои» ошиваются в «Крестах».

Да, я знаток мостов по всей России —
У каждого фамильная судьба, —
Покрасили, подбили, подмостили —
Гуляй, хлещи, Россия, по зубам!

Природа

Нет у меня лазоревых пейзажей,
Березок стройных, яблоней в цвету.
Я хороню в себе природу заживо
За аморальность и за наготу.
За ход созвездий, обнаженных ночью,
За ломку льда на переправах рек.
Я чувствую, как стонет позвоночник,
Когда прилеплен пластырь «Вольгарен».
Я не в ладах был с временами года:
Гипертония мучает весной,
В июне — волдыри на кожу шлет природа,
В июле — донимает жаркий зной.
А в октябре бесчинствуют трахеи;
То кашель, то озноб. Ангина горло жжет.

Зимой несу такую ахинею,
Что лучший друг меня в лицо не узнает.
Я не люблю, как жрет в хлеву корова,
Как табуны коверкают асфальт;
Как рекордсмен вспотел от тренировок
И полотенцем заменил халат.
И тело обнаженное модели
Во мне не пробуждает оптимизм.
Мне спину гнут зарница и гантели,
И клонит в сон зазеленевший лист.
Я не колдобился от запаха навоза,
Деревня для меня едва жива.
Мне говорят: смотри, растет береза!»
Я понимаю, что растут дрова.
Мой скрытый мир не терпит предрассудков —
Природа — часть словесной мастерской.
Мужик в деревне крутит самокрутку,
И весь огромный мир ему на кой?..

Сомнение

Когда тебе на ухо губы
«люблю» неумоимо лгут,
Ты понимаешь, что не любит,
Но манишь ночевать в стогу.
Она пищит: «Что скажет мама?»
Ты понимаешь: снова врет —
Не ты один в ее программе,
И сменщик очереди ждет.
Она тебя зовет жениться,
Но в зове кроется обман;
Сто граммов с мертвою водицей
Она тебе нальет в стакан.
И, умирая, притворялась,
Что одному тебе верна,
Но к ней не просыпалась жалость —
Жена — на то она жена.
И не понять, как можно с лгуньей
Прожить бок о бок столько лет!
Встречать ночами новолунье
И по утрам встречать рассвет!
И у тебя взрослеют дети.
Кто скажет, что они твои?
Их поцелуем бог отметил
И схожи резусом крови.
Она врала мне ежечасно!
Пора и мне собраться в путь,
Пока порода не угасла —
Прийти к ней, лечь и отдохнуть...

Вся жизнь — игра

Вся жизнь — игра. В зачет Прекрасной Дамы.
И честь, и слава на кону не зря.
Вчера считались вини козырями —
Сегодня ходят трефы в козырях.
Нальем и выпьем за победы прошлые,
За тех, кто стасовал колоду карт.
Знамена подняты! И масти вброшены!
Игра серьезная. Не в «дурака».
Стоят погосты, как столы игральные,
Где бывшим игрокам не повезло.
Вчера играл какой-то там начальник
И даже космос заложил в залог.
И проиграл. И космос возмутился,
Едва начальника не вывел на костер.
Вся жизнь — игра. И даже Вудро Вильсон*
Смог только кровью искупить позор.
За рисковавших поднимаем тосты —
Кому-то пуля, а кому тюрьма.
Остался в памяти катала Каллиостро,
На карте мира высох Потомак**.
«Почтенный Ной, родитель винограда»***!
Однажды в стельку нализался Ной, —
С тех пор отроги даже Арарата
Обвиты виноградною лозой.
И проигравший догола картежник
Пойдет стреляться в полном неглиже.
Прощай, братан, ты ничего не должен,
Мы разошлись по-свойски в марьяже.
Раскинь, понтяра, на суконке козыри!
Быть может, мне сегодня повезет.
Стекло в горячке раскололо озеро —
Не вынесло очередной позор.
Иной амбал силенкой козыряет
И собирает кучу синяков.
Ему не пофартит в аду и в рае —
Идет игра! Но не для дураков.

---

* Вудро Вильсон — президент США, любитель карточных игр.

** Потомак — река в США, на которой собирались карточные шулеры.

*** Почтенный Ной — обращение Франсуа Виюна к библейскому персонажу.